

«Армянская весна»: год спустя

2019-05-13

30 мин. на чтение

Тупиковый итог массового движения весны 2018 года отражает системный кризис самого армянского буржуазного государственного проекта.

В апреле-мае исполняется годовщина крупнейшего с 1991 года народного движения в истории Армении, приведшего к **смене власти в стране**. В результате стартовавших с 13 апреля многодневных протестов 23 апреля премьер-министр Серж Саргсян ушел в отставку, а 8 мая по требованию массового движения премьером был избран лидер оппозиции Никол Пашинян.

Его пребывание у власти условно можно разделить на два крупных этапа – период с мая по декабрь, отмеченный сосуществованием правительства Пашиняна с парламентом, контролируемым бывшей правящей Республиканской партией Армении (РПА) и с декабря по настоящее время, то есть после перехода парламента под контроль новых властей. В первый период сам премьер не спешил с новыми парламентскими выборами, а РПА не особо препятствовала его деятельности. Однако в условиях постепенного падения своего рейтинга, связанного с экономическим курсом правительства, Пашинян усилил нажим на парламентские партии с целью роспуска Национального собрания.

В октябре после попытки РПА и примкнувших к ней партий «Дашнакцутюн» и «Процветающая Армения» законодательно усложнить возможный роспуск парламента Пашинян вывел на улицы народные массы и после короткой осады здания законодательного органа добился договоренности о роспуске парламента и новых выборах. Тогда же перестала существовать и сформированная в условиях апрельского кризиса правительственная коалиция с участием «Дашнакцутюн» и «Процветающей Армении».

По итогам прошедших в декабре парламентских выборов блок Пашиняна «Мой шаг» получил подавляющее большинство в 70,42%, завоевав 88 депутатских мандата (также в парламент прошли еще 2 партии – «Процветающая Армения» с 26 местами и «Просвещенная Армения» с 18 мандатами). Тем самым формально был завершён процесс смены власти, начатый в условиях народного движения апреля-мая 2018 года. В результате уже год Армения живет под властью идейных либералов, довольно искренне пытающихся реализовать свои рецепты по построению «правильного» капитализма.

В силу этого опыт Армении за прошедший год представляет особый интерес с точки зрения перспектив постсоветских государств, в ряде из которых назревает кризис правящих авторитарных режимов, а единственной альтернативой выступают именно либеральные и националистические силы.

При этом важной особенностью армянского варианта является минимальное значение в происходящем внешнего фактора, в отличие от схожих процессов в Грузии и Украине, встроенных в жесткие геополитические проекты. Подобного проекта применительно к Армении в настоящее время нет, и это делает год администрации Пашиняна примером своего рода «чистого» либерального эксперимента с учетом естественно армянской специфики.

Постараемся выделить его основные особенности и спрогнозировать перспективы, начав с обзора самого важного направления – социально-экономической политики новых властей. При этом важно

оговориться, что в данном случае речь пойдет не о полном изложении ситуации в экономике Армении, а лишь о попытке выделить наиболее ключевые тенденции в подходах властей, позволяющие пролить свет на классовую природу нового режима.

Социально-экономическая политика: от массового движения к неолиберальной догме

Основным фактором, определившим экономическую политику нового правительства, стало противоречие между его неолиберальными подходами и народным, низовым импульсом массового движения, которое привело к власти новый режим. Еще одним важным фактором стала динамика внутривластного противостояния в стране. В условиях наличия парламентской оппозиции в лице РПА кабинет Пашиняна был заинтересован в сохранении низовой поддержки и в силу этого действовал более осторожно, в то же время победа в противостоянии с парламентом привела к усилению правых тенденций в экономической политике правительства.

При этом важно отметить, что изначально у Пашиняна и его команды отсутствовала комплексная программа действий, и экономические планы правительства исчерпывались либеральными мантрами о борьбе с коррупцией, необходимости ликвидации монополий, предоставления равных возможностей в бизнесе, всеобщей выплаты налогов и выдачи в магазинах контрольно-кассовых чеков.

В то же время еще на этапе массового движения Пашинян и его окружение выступили с несколькими сигналами о неприкосновенности интересов крупного бизнеса. Более поздние программные документы правительства во многом повторяли подходы его предшественников относительно приоритетности привлечения иностранных инвестиций, развития сферы IT, туризма и сельского хозяйства. Также важно отметить, что персональный состав экономического блока правительства был во многом унаследован от прежних властей. В то же время важным отличием от прежнего режима стало выступление правительства на программном уровне против основной роли горнодобывающей отрасли в обеспечении экономического роста.

На первом этапе пребывания у власти в условиях сохранения импульса протестного движения правительство приняло ряд мер в интересах народных низов. Так по инициативе новых властей банки простили штрафы по кредитам, что по данным правительства затронуло интересы около 130 тысяч человек. Правительство также провело «амнистию» в отношении водителей, которым были прощены штрафы и пени за нарушение отдельных правил дорожного движения. По оценке правительства данная мера оказала воздействие на положение 150 тысяч водителей. Кроме того правительство пошло на незначительное повышение пенсий, также были повышены зарплаты для отдельных категорий работников.

При этом меры по банковским кредитам при их внешней эффектности на практике были не такими уж болезненными для крупных банков. На момент их принятия кредитная эксплуатация достигла определенного предела, и перезагрузка ситуации будет способствовать новому витку усиления кредитной зависимости: в условиях отсутствия системы социальных гарантий банковские кредиты остаются для трудящихся Армении единственным средством компенсации низкого уровня жизни. При этом само правительство также всячески стимулирует рост потребительского и ипотечного

кредитования, как соответствующими заявлениями, так и мерами по понижению процентных ставок.

Отношения новых властей с иностранным бизнесом в Армении сложились достаточно противоречиво. Кабинет Пашиняна пошел на шаг, по сути направленный против одной из основ периферийной экономики Армении – горнодобывающей сферы. В условиях акций протеста экологов правительство приостановило эксплуатацию Амулсарского золоторудного месторождения, расположенного на юго-востоке страны. Эксплуатация месторождения осуществлялась компанией Lydian Armenia, являющейся «дочкой» англо-американской компании Lydian International.

Правительство назначило проведение экологической экспертизы, заключение которой оставляет открытую дверь для примирения с бизнесом. Также давление природоохранной инспекции стало одной из причин приостановки другого крупного предприятия – Алавердинского медеплавильного завода (владелец – группа Vallex).

Помимо этого правительство вступило в ряд локальных конфликтов с компаниями, контролируемыми в Армении иностранным капиталом и связанными с эксплуатацией инфраструктуры. Так разного рода расследования, проверки и штрафы были применены в отношении газового монополиста «Газпром-Армения», компании «Южно-Кавказская железная дорога» (ЮКЖД), осуществляющей концессионное управление железнодорожной инфраструктурой Армении, а также компании «Veolia Djur» («дочка» французской «Veolia Generale des Eaux»), являющейся оператором водоснабжения в Ереване.

Кроме того правительство заявило о прекращении действия договора с компанией «Ташир капитал» (входит в «Ташир групп», принадлежащую российскому бизнесмену армянского происхождения Самвелу Карапетяну) по доверительному управлению компанией «Высоковольтные электрические сети» (ВЭС), которая пока осталась в государственной собственности.

В свою очередь мэрия Еревана вступила в длительное противостояние с ливанской компанией Sanitek, занимающейся уборкой мусора в столице Армении, и испытывающей с лета 2018 года серьезные трудности в этом деле. В случае с Sanitek примечательно, что неспособность компании наладить работу весной 2019 года начала подталкивать мэрию к реализации варианта, предусматривающего отход от приоритета частного бизнеса и участие формируемых муниципалитетом структур в процессе уборки мусора.

Все эти действия вызвали сопротивление зарубежного крупного бизнеса: в частности нужно отметить информацию о координации действий ряда указанных компаний и планы по подаче крупных исков в международный арбитраж против правительства. Также меры против Lydian Armenia вызвали открытое недовольство посольства США в Армении.

В то же время отмеченные меры против крупного иностранного капитала носили ограниченный и несистемный характер, и скорее были призваны продемонстрировать бизнесу новые правила взаимодействия с государством. Отдельно нужно отметить описанные шаги в отношении горнодобывающей отрасли, которые на деле не означают борьбы против зависимого характера экономики Армении. Скорее речь идет о слабой и осторожной попытке по изменению приоритетов участия Армении в мировом разделении труда в пользу сферы высоких технологий. При этом приостановка (без формирования альтернативных решений) ряда крупных проектов в горнодобывающей сфере создает угрозу роста социальной напряженности, а также вызывает проблемы с пополнением бюджета.

Параллельно этим осторожным маневрам в отношениях с крупным бизнесом уже на первом этапе в действиях правительства наметился и в дальнейшем усиливался правый курс. В июне кабинет министров одобрил полноценный ввод в действие подготовленной при прежних властях неолиберальной пенсионной реформы, вызвавшей в свое время крупные акции протеста (ранее задействие обязательного компонента пенсионной системы было отложено). Данная мера вызвала и первый кризис в правительстве Пашиняна. В отставку подала министр труда и социальных вопросов Армении Мане Тандилян, бывшая в свое время активистом движения против пенсионной реформы (отставка не была принята премьер-министром).

В дальнейшем по мере ослабления парламентской оппозиции и последующего захвата контроля над парламентом правые тенденции в действиях Пашиняна лишь нарастали, и его правительство продемонстрировало готовность пойти по пути неолиберальных мер дальше своих предшественников. Ключевой мерой проливающей свет на социальную природу и идеологию новых властей стала реформа налоговой системы. Осенью 2018 года правительство подготовило проект неолиберальной реформы Налогового кодекса, предусматривающей понижение налогов для богатых. Согласно проекту предусматривалось введение единой усредненной ставки подоходного налога в 23%, с последующим снижением до 20% к 2023 году.

В то же время Пашинян и его команда в рамках налоговой реформы попытались сохранить поддержку своей социальной базы в лице мелкого и среднего бизнеса. Налоговая реформа предусматривала резкое понижение налогов для этой категории. Однако реализация этой меры в условиях экономического спада неизбежно должна было поставить правительство перед проблемой заполнения бюджета, так как реформа предусматривала резкое сокращение поступлений от двух основных доноров: крупного бизнеса и мелкой буржуазии.

Правительство попробовало парировать эту проблему планами по повышению косвенных налогов и различного рода пошлин на отдельные виды бизнеса, а также мерами «жесткой экономии» в виде резкого сокращения госаппарата. В последнем случае сразу после парламентских выборов кабинет министров обнародовал планы по крупнейшему сокращению госаппарата, в частности планируется урезание числа министерств с 17 до 12. Особенно опасным в социальном отношении здесь представляются планы по ликвидации министерства сельского хозяйства, что создаст проблемы для всего крестьянства Армении.

В результате новые меры поставили власти в условия конфликта как с низовой частью бюрократии, так с частью собственной социальной базы в лице представителей мелкого и среднего бизнеса, что быстро вызвало акции протеста представителей данных сфер. При этом на положение мелкой буржуазии также негативно влияют меры правительства по выводу из «тени» незарегистрированных работников и повсеместной выдаче контрольно-кассовых чеков. Это приводит на практике к росту налоговой нагрузки на мелкую торговлю, для которой уклонение от реализации данных мер ранее было средством смягчения налогового давления в условиях мощной конкуренции со стороны крупных торговых сетей.

Еще более сложно сложились отношения новых властей с бедняцкими слоями, бывшими вместе с мелкой буржуазией мотором, приведшим к власти Пашиняна в ходе протестного движения. Указанная налоговая стратегия на практике исключала смягчение социальной напряженности за счет хотя бы ограниченного перераспределения богатства. В результате правительство оказалось неспособным хотя бы частично ответить на требования бедняков, чьи ожидания от итогов «Армянской весны» были гораздо более

радикальными и антикапиталистическими, чем у среднего класса.

Более того после смены власти произошло и определенное ухудшение положения низов, не отражаемое в официальных отчетах и статистике. Смена власти и вытеснение части старой крупной бюрократии и бизнеса из политики привела к распаду сформировавшихся еще в 90-е годы теневых механизмов социального обеспечения, основанных на системе клиентельных связей между бедняками и представителями элиты. В условиях отсутствия государственной системы соцобеспечения данная «серая» система на практике помогала выживать части населения.

Пашинян, отстранив от власти старую элиту, при этом не создал альтернативной системы поддержки (ни легальной, ни теневой). Еще одним фактором, способствовавшим ухудшению положения бедняков и части среднего класса, стала сохраняющаяся инфляционная тенденция в армянской экономике, а также рост арендной платы за жилье. Проявлением роста недовольства бедняков и нереализованности их ожиданий от новых властей стала волна актов самосожжения, прокатившихся по Армении после смены власти. Так по нашим неполным подсчетам в период с июля 2018 по февраль 2019 года в Армении имело место 7 случаев и попыток самосожжения, совершенных в большинстве случаев перед правительственными зданиями.

Осознание ослабления поддержки со стороны низов и собственной неспособности изменить ситуацию вызвало явное раздражение у главы правительства, который с конца 2018 года выступил с серией пропитанных социальным расизмом, раздражением по отношению к беднякам и полным неолиберальных догм мантр. Основными тезисами премьера стали заявления о связи между умственными способностями и социальным положением, о том, что зарабатывать мало плохо (как будто у большинства людей есть выбор), а также призывы не ждать помощи от государства и самим быстро зарабатывать.

Еще одним показательным направлением стали попытки премьера связать гражданский статус и имущественное положение. В серии выступлений премьера не трудно заметить простой перепев старых подходов цензовой демократии, предусматривающей статус гражданина лишь для богатых. Данный подход отражает архаизацию постсоветских стран – в Армении Никол Пашинян пытается ввести в оборот подходы, от которых отказались элиты стран Запада, в том числе из-за страха перед революционной угрозой.

В то же время в данной пропаганде Пашиняна при всей ее идеологизированности есть определенная стратегия: воспользовавшись весной 2018 поддержкой городских и сельских низов для прихода к власти, он, однако, в настоящее время не хочет и не может реализовать их ожидания о перераспределении богатства. В результате либеральная риторика премьера адресована верхушке среднего класса (в лице главным образом работников сферы IT), а также страдающей мелкобуржуазными иллюзиями части среднего класса.

Также новые власти стремятся смягчить напряженность за счет маневров и локальных уступок по отдельным вопросам. Однако на практике данные тактические маневры лишь откладывают усиление экономического давления на средний класс и низы.

Внутренняя политика, социальная природа новых властей и отношения со старой элитой

Как и в случае с экономическим курсом в действиях Пашиняна на внутреннем поле сохранялась определенная противоречивость. Импульс крупнейшего народного движения, приведшего его к власти, первоначально оказывал положительное воздействие на внутренний курс правительства. В частности нужно отметить определенную демократизацию ситуации в Армении в виде практического отсутствия противодействия протестным акциям (количество которых сохранялось на высоком уровне после смены власти), понижение уровня полицейского насилия.

Власти также инициировали переориентацию войск полиции на несение боевого дежурства на армяно-азербайджанской границе. До этого данная структура была основным инструментом подавления протестных движений. Показателем этой новой, более мягкой ситуации стала многомесячная блокада экологическим движением рудника Амулсар (уже упомянутого выше) а также непрекращающиеся небольшие акции протеста, вызванные выходом на поверхность локальных противоречий в результате социального «землетрясения» весны 2018 года.

В то же время примечательно, что данное смягчение режима распространялось далеко не на всех. Показательно усиление с лета 2018 года полицейского давления в отношении одной из самых угнетаемых категорий – женщин, занимающихся уличной проституцией в Ереване, число приводов которых в полицейские участки непосредственно после смены власти резко увеличилось (при этом данная тенденция может отражать стремление полицейского руководства без особых рисков продемонстрировать свое усердие новым властям).

Также наметился сдвиг в государственной идеологической политике. Новая элита в идейном отношении представляла собой сложное сочетание прозападных либералов, близких по духу первой антисоветской волне армянской элиты 90-х годов, нового либерального поколения, напрямую примыкавшего к различным формам современного активизма, а также националистов, бывших в оппозиции прежним властям. При этом доминирующим фактором в идейном отношении являются скорее первые две группы.

В результате в идеологическом курсе наметился очень осторожный и непоследовательный отказ от консервативно-националистической повестки, усиление которой характерно для Армении с начала 2000-х годов и в особенности после начала мирового экономического кризиса в 2008 году. Данные шаги новых властей позволили представителям прежней элиты развернуть в СМИ и соцсетях конспирологическую кампанию по обвинению нового руководства в заговоре при поддержке Запада, нацеленном якобы на разрушение «традиционных национальных ценностей».

В то же время наряду с отмеченной демократизацией быстро наметилась и обратная тенденция на концентрацию власти в руках непосредственно Пашиняна и его ближайшего окружения (в этом отношении показательно невыполнение обещания об отказе от суперпремьерской системы, разработанной под Сержа Саргсяна), а также переключения существовавших административных рычагов на новую элиту.

При этом важно отметить, что смена власти в апреле-мае, по сути, привела к смене поколений в армянской буржуазной элите, а также определенному изменению социального субъекта, доминирующего в правящей группировке в Армении. От власти были отстранены фигуры, представлявшие условное карабахское крыло правящего класса, деятели, связанные с военной фазой Карабахского конфликта, силовыми структурами и в целом представляющие

высшую бюрократию.

В то же время новое поколение руководителей неоднородно и представляет собой сложный синтез. В первую очередь нужно отметить верхушку среднего класса, «людей с длинными резюме», рассматривающих свой подъем к власти как реализацию меритократических подходов. В качестве второго компонента в рамках новой правящей группировки необходимо выделить молодое поколение бюрократической буржуазии, сумевшее встроиться после смены власти в новую правящую верхушку.

В качестве еще одной влиятельной группы можно выделить фигуры, связанные с первым поколением армянского политической элиты (в частности из окружения экс-президента Левона Тер-Петросяна, при котором и были заложены основы действующей в Армении системы), не сумевшие удержаться во власти по итогам внутривнутриполитического кризиса 1998-2000 годов. В их восприятии произошедшее весной 2018 года и позднее является реваншем в отношении карабахской элиты, в свое время выбросившей их с властного мостика.

Ошибка при загрузке изображения

Левон Тер-Петросян и Никол Пашинян

Пришедшая к власти данная неоднородная коалиция быстро оказалась перед сложнейшей проблемой взаимодействия с уже существующей элитой. При этом важно отметить, что обладая слабыми кадровыми ресурсами, новые власти вынуждены были иметь дело со сложившимися группами в бюрократическом аппарате и прежде всего силовых структурах и судебной системе. В этих условиях основной стратегией новых властей стало стремление отсечь от властных и экономических рычагов непосредственно бывшую правящую группировку при сохранении в неизменном виде позиций ядра правящего класса в лице крупного бизнеса и высшей бюрократии.

В частности в рамках этой стратегии с использованием лояльных премьеру Пашиняну Службы нацбезопасности и полиции было развернуто уголовное преследование разной степени интенсивности против окружения и родственников второго и третьего президентов [Роберта Кочаряна](#) и [Сержа Саргсяна](#). Сам Кочарян по делу о подавлении протестов 1-2 марта 2008 года оказался в тюрьме и в целом действия против него стали центральным компонентом операции против «бывших». Также лишился свободы одиозный бывший замминистра обороны Армении [Манвел Григорян](#).

Ошибка при загрузке изображения

Манвел Григорьян

В то же время помимо случаев с Кочаряном и Григоряном преследования бывших в основном носили относительно мягкий характер (практиковалось освобождение обвиняемых под залог) и зачастую были частью усилий новых властей по демонстрации жесткости с целью сохранения массовой поддержки. Также по экономическим делам имело место восстановление обвиняемыми расхищенных или невыплаченных сумм с последующим свертыванием уголовного преследования.

Более сложно развивались отношения правительства с крупным бизнесом. На начальном этапе был возбужден ряд дел об уклонении от уплаты налогов, которые также были быстро закрыты после компенсации соответствующих сумм. На тот момент ограниченность этих мер была призвана продемонстрировать бизнесу отсутствие у правительства планов по переделу собственности. Новые власти попробовали выдвинуть новый формат

отношений с капиталистами. Последним предлагалось отказаться от прямого вовлечения в политику на стороне правящей группировки и спокойно богатеть.

На практике, однако, похоже, что модель отношений бизнеса и политики несильно изменилась и скорее приобрела более скрытую и «цивилизованную» форму. В этом отношении примечательна информация о крупных выплатах ряда крупнейших компаний в фонды, патронируемые супругой Пашиняна, а также о содействии ряда капиталистов представителям новых властей на парламентских выборах. Также примечательно, что, несмотря на разговоры о декапитализации политики на парламентских выборах второе место заняла партия капиталиста Гагика Царукяна.

Ошибка при загрузке изображения

Гагик Царукян (один из крупнейших капиталистов в Армении) и бывший президент Армении Серж Саргсян

Кроме того, несмотря на стремление успокоить крупный капитал, логика борьбы за удержание власти и обострение конкуренции на внутривластном поле в сочетании с падением массовой поддержки толкает новый режим на ограниченные меры против отдельных капиталистов и возможный локальный передел собственности. Так в разное время было начато уголовное преследование в отношении ряда крупных бизнесменов, связанных по некоторым данным с окружением Сержа Саргсяна и Роберта Кочаряна, что может быть частью попыток властей ослабить данные фигуры, а также восстановить поддержку низов, недовольных умеренностью правительства.

В результате в вопросе взаимоотношений с крупным бизнесом новые власти оказались в парадоксальной ситуации. С одной стороны режим Пашиняна стремится представить себя капиталистам в качестве более «эффективного менеджера», чем прежние власти и для получения поддержки бизнеса идет на описанные выше нелиберальные меры. С другой, зачастую хаотичные и труднопредсказуемые шаги правительства (о мерах в отношении иностранного капитала уже говорилось выше) вызывают недовольство и неуверенность капиталистов, привыкших к уже существующей системе отношений с властью и недовольных ее пересмотром.

Также сложный характер носили отношения новых властей с другим важным силовым полюсом в Армении в лице военной верхушки, позиция которой была определяющей в ходе политических кризисов 1990-х и 2000-х годов. Новые власти и военное командование были практически лишены точек соприкосновения. Для Никола Пашиняна и его команды, бывших оппозиционерами в президентство Кочаряна и Саргсяна, военный истеблишмент был скорее враждебной силой, являвшейся силовой опорой прежних властей.

В результате новые власти пошли по пути давления на руководство Минобороны, при этом основным его инструментом стало опять-таки «дело 1 марта» (названное так по дате подавления акций протестов в 2008 году, вызванных итогами президентских выборов). В общественном сознании основным его аспектом была именно гибель 10 человек в ходе подавления протестов.

Однако ключевым компонентом начатого новыми властями расследования данных событий стало тема вовлечения со стороны Кочаряна вооруженных сил в подавление протестов и политический кризис в целом. Данный аспект позволил Пашиняну получить эффективный рычаг давления на командование армии. По делу были в той или иной форме вовлечены 3 бывших начальника

генштаба ВС Армении (двое из которых в разное время занимали также пост министра обороны). Также под давлением Пашиняна была начата чистка в военном ведомстве непризнанной Нагорно-Карабахской Республики, в частности были отправлены в отставку глава минобороны и его заместитель.

Подобные меры против военной верхушки Пашинян пытается компенсировать расширением закупок военной техники и обещаниями увеличить финансирование армии. Также делается попытка раскола военной элиты путем вовлечения в команду премьера фигур, снятых со своих постов при Серже Саргсяне. Однако все эти меры едва ли смогут компенсировать недоверие, существующее в руководстве армии по отношению к новым властям. При этом данные проблемы в отношениях между руководством страны и военной верхушкой носят по-прежнему завуалированный характер и крайне редко проявляются открыто.

В результате по итогам года, прошедшего после апреля-мая 2018 года, во внутренней политике Армении возникло несколько полюсов разной степени активности и оппозиционности. Одним из них стал Роберт Кочарян, группировка которого вступила с новыми властями в настоящую двустороннюю информационную войну. При этом, несмотря на все усилия, экс-президент по-прежнему, по сути, практически лишен реальной массовой поддержки, и перспективы ее формирования выглядят достаточно сомнительно.

Вторым таким полюсом остается крупнейший бизнесмен Гагик Царукян, контролирующий вторую по численности фракцию в парламенте. Также самостоятельную игру ведет действующий президент Армении Армен Саркисян (известный своими связями с западным крупным капиталом). Не выступая против новых властей, он, в то же время дистанцируется от непопулярных мер правительства. Еще одним фактором на политическом поле остается окружение экс-президента Сержа Саргсяна – в частности, его зять Микаел Минасян, сохранивший, несмотря на смену власти, определенное присутствие на политическом и информационном поле.

Внешняя политика: пророссийский или прозападный Пашинян?

После смены власти в Армении не было недостатка в прогнозах относительно предстоящего резкого изменения внешнеполитической ориентации страны в направлении ухудшения отношений с Россией и быстрого движения в сторону Запада. В большинстве случаев подобные прогнозы представляли собой применение к армянским реалиям особенностей украинского кризиса. Этим предсказаниям способствовала и прозападная ориентация большинства членов команды Пашиняна. Однако спустя год после смены власти в Армении можно констатировать, что эти прогнозы так и не сбылись.

В армяно-российских отношениях действительно возникло несколько точек напряжения. Одним из них стало дело уже бывшего генсека ОДКБ Юрия Хачатурова, арест которого по «делу 1 марта» был воспринят в Москве как удар по самой организации. Затем Москва, по сути, вмешалась в начатое новыми властями Армении уголовное преследование Роберта Кочаряна, открыто поддержав последнего.

Также точкой напряженности стал комплекс проблем экономического характера. Как уже отмечалось, новые власти запустили ряд проверок в отношении российского крупного бизнеса, а Москва в свою очередь не идет на уступки Еревану в вопросе повышения цен на газ, что в перспективе окажет

негативное воздействие на экономику Армении в целом.

Однако, несмотря на напряженность вокруг этих событий, на практике они никак не затронули основу российского влияния в Армении – ее военно-политическую зависимость от Москвы. Больше того, с целью компенсировать с разногласия с Москвой администрация Пашиняна пошла на реализацию мер, планировавшихся или реализуемых еще при прежних властях, некоторые из которых на практике усиливали данную зависимость и пророссийскую ориентацию Еревана.

В частности Ереван пошел на уступки по на шумевшему скандалу вокруг наличия на территории Армении финансируемых США биологических лабораторий. По заявлениям новых властей представители Минобороны России в 2018 году получили возможность посетить американские биологические лаборатории на территории страны. В свою очередь глава МИД России Сергей Лавров заявил о подготовке Арменией и Россией нового соглашения о сотрудничестве, гарантирующем отсутствие в биологических лабораториях Армении иностранных военных.

Также был реанимирован обсуждавшийся с Москвой по данным российских СМИ еще в 2012 году контракт на покупку Арменией российских истребителей Су-30СМ. На практике приобретение Ереваном тяжелых многофункциональных истребителей еще теснее привяжет Армению к России в вопросах безопасности, так как эффективная эксплуатация и поддержание боеготовности подобных сложных систем вооружений для Еревана невозможно без постоянной технической поддержки и содействия Москвы.

Еще одной подобной мерой (также, кстати, подготовленной еще предыдущими властями) стала отправка армянской гуманитарной миссии в Сирию. Ереван в результате стал первой страной вне Ближневосточного региона, присоединившейся (пусть и в гуманитарном формате) к сирийской экспедиции Кремля. Данная мера вызвала недовольство США, выразившееся в жестком заявлении Вашингтона.

В результате в армяно-российских отношениях с обеих сторон сформировалась своего рода двухканальная схема. С одной стороны армянская сторона, используя различные поводы, пытается продемонстрировать свою свободу маневра в отношениях с Москвой, явно тяготея к модели, существующей, к примеру, между Россией и Белоруссией. В то же время все эти меры находят скорее в сфере риторики, а основы зависимости Армении от России никак не затрагиваются, и как было отмечено выше, даже усиливаются.

В свою очередь Москва открыто поддерживает внутреннюю оппозицию – прежде всего делая ставку на находящегося в тюрьме экс-президента Кочаряна. Тем самым делается попытка найти противовес влиянию Пашиняна, а также, нарастить сильные позиции в Армении в случае кризиса или падения действующего режима. Однако вместе с тем, будучи не в восторге от прозападного состава команды Пашиняна, российская сторона тем не менее приняла смену элиты в Армении и работает с ее новым составом.

В то же время далеко не все гладко и в отношениях Армении с Западом – в частности, явно не реализуются преувеличенные ожидания о готовности США и ЕС делать ставку на новые власти. Сам Никол Пашинян после ряда контактов с представителями Запада прямо говорил о своем разочаровании в вопросе готовности партнеров из ЕС и США оказывать поддержку Армении.

В ходе визита в Ереван помощника президента США по национальной безопасности Джона Болтона Армения подверглась давлению со стороны

Вашингтона в вопросе поддержки американских санкций против Ирана. Между тем реальное присоединение Еревана к санкционному режиму в условиях блокады со стороны Турции и Азербайджана представляет для Армении вид экономического самоубийства. Еще одним примечательным моментом стало давление на Ереван со стороны посольства США в Армении в интересах компании Lydian Armenia в рамках конфликта вокруг Амулсарского рудника.

В результате отношения в треугольнике Армения-Запад-Россия продемонстрировали высокую степень устойчивости в виде сохранения пророссийской ориентации Еревана. Последняя связана как с наличием у границ Армении фактора турецкой угрозы, так и относительной незначительностью армянского геополитического приза с точки зрения интересов мировых хищников. Армения остается на периферии интересов США и ЕС и данное обстоятельство наряду с другими факторами, скорее всего, будет и в дальнейшем способствовать сохранению стабильности внешнеполитической ориентации Еревана.

Перспективы либерального режима: между диктатурой и диктатурой?

По итогам прошедшего после народного движения года ключевым вопросом в ситуации в Армении являются перспективы режима Пашиняна. Сможет ли новый режим консолидировать свои позиции и надолго стабилизировать испытывающий кризисную перегрузку армянский капитализм? Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы оговоримся, что мы намеренно не затрагиваем труднопредсказуемый фактор воздействия на ситуацию в Армении Карабахского конфликта (при отсутствии достоверной информации о ходе переговорного процесса), который в зависимости от ситуации может как укрепить, так и резко ослабить позиции Пашиняна.

Пока премьер во многом повторяет печальную траекторию умеренно реформистских лидеров: его меры разочаровывают низы и вызывают раздражение традиционной элиты. Приходится констатировать, что реальные итоги крупнейшего с 1991 года массового движения в Армении, вызвавшего огромные народные ожидания, оказались минимальными. В ходе кризиса народные массы на время стали ключевым фактором в Армении, определяющим процесс смены власти.

В то же время реальных и системных изменений в положении трудящихся не произошло, а предпринятые Пашиняном ограниченные меры в их интересах (о которых говорилось выше) на практике носят локальный и обратимый характер. В свою очередь приход к власти идейных либералов и проводимый ими экономический курс чреват последующим обострением противоречий, так как его издержки ложатся на плечи основной части населения. Это является следствием специфики постсоветской ситуации, когда в условиях стагнации левых либерально-националистические силы становятся единственной альтернативой действующим авторитарным режимам.

При этом важной особенностью положения в Армении стало наличие у либеральных сил и идеологии активной социальной базы в виде сконцентрированного главным образом в столице страны среднего класса, связанного с торговлей и сферой обслуживания. Формирование в 2000-х годах данной прослойки в сочетании с практически полной гегемонией буржуазного сознания и наличием фактора внешней угрозы способствовало относительной стабильности армянского капитализма, на фоне кризисных процессов в Грузии и Украине.

Однако с 2010-х годов данная социальная группа стала мотором протестных движений и выступила в ходе кризиса 2018 года со сложившимся классовым сознанием и программой. Придя к власти на волне поддержки среднего класса и для реализации программы по построению в Армении «нормального капитализма» режим Пашиняна неизбежно проваливается, так как сама эта программа далека от реальности, а желаемого «идеального капитализма» не существует в реальной действительности.

Трудности смягчения социально-экономических проблем Армении тесно связаны с транспортной блокадой, узким внутренним рынком, особенностями армянского капитализма в виде наличия зависимой экономики, а также десятилетиями проведения неолиберальной социальной политики в интересах верхов и эксплуатации трудящихся. Борьба с коррупцией и создание равных условий для бизнеса, которые декларирует новый режим, имеют мало общего с решением этих проблем.

Также новые власти в Армении действуют в условиях чрезвычайно негативной внешней конъюнктуры в виде мирового экономического кризиса и наращивания санкционного давления США против двух ключевых торгово-экономических партнеров Армении – России и Ирана. Сохраняется также и фактор внешней угрозы, что приводит к росту расходов на вооруженные силы и службы безопасности.

Вдобавок, как уже отмечалось, новые власти не видят альтернатив неолиберальному экономическому курсу, что на практике блокирует чисто теоретические возможности для хотя бы скромного перераспределения богатства. Возможность подобного курса противоречит догмам правительства о необходимости дать возможность крупному бизнесу зарабатывать больше и таким образом обеспечить решение всех проблем.

При этом необходимо отметить, что даже гипотетическое проведение властями подобной антикапиталистической политики в интересах низов в условиях Армении представляет собой крайне сложную задачу. Ее реализации будет эффективно мешать хрупкость армянской экономики и государственности в целом, а также отсутствие поля для маневра в условиях, когда ущемляющий капиталистов курс неизбежно столкнется с консолидированным сопротивлением, как местного, так и иностранного крупного бизнеса и поддерживающих их империалистических держав.

Также для Армении закрыт и другой чисто гипотетический вариант в виде характерного для Запада удовлетворения appetites как капиталистов, так и среднего класса путем переноса эксплуатации вовне, так как Армения сама является эксплуатируемой территорией с незначительными ресурсами.

В сочетании все эти факторы крайне затрудняют формирование в Армении относительно устойчивой системы, позволяющей смягчить противостояние между верхами и низами, что в свою очередь создает крайне сложную ситуацию для нынешних властей. Несмотря на то, что сам Никол Пашинян зачастую способен на политические маневры и гораздо лучше прежних властей умеет находить контакт с народными массами, неизбежно наступит момент, когда эти маневры исчерпают свою эффективность. Распад социальной базы режима Пашиняна при сохранении сложностей в отношениях с верхами выглядит в этих условиях практически неизбежным. С этого момента, с учетом фактического отсутствия на данный момент левой, низовой альтернативы, в динамике возможных событий вырисовываются два основных сценария.

Первым из них является постепенный отказ от указанного выше смягчения режима и формирование полноценного авторитарного либерального режима

Пашиняна, похожего на власть его предшественников, то есть во многом лишенного социальной базы и опирающегося на силу бюрократического аппарата. Однако устойчивости и долгосрочности такого режима могут помешать относительно слабые позиции Пашиняна в силовых структурах и госаппарате в целом, сохраняющаяся пока неспособность правящего режима наладить стабильную работу бюрократической машины, а также уже отмеченное недовольство ломкой сложившейся системы среди высшей бюрократии и части крупного бизнеса.

Вторым вариантом является схема государственного переворота в условиях изоляции Пашиняна от массовой поддержки. При этом диапазон механизмов подобного сценария может быть широким – от задействования парламентского механизма для отстранения премьера от власти до прямого силового вмешательства с учетом сохраняющейся глухой оппозиции Пашиняну в вооруженных силах. Выгодополучателем данного варианта может стать как уже известная фигура (в частности представитель одного из перечисленных выше оппозиционных полюсов) так и совершенно свежая и малоизвестная на данный момент личность из числа силовиков.

В результате подобный тупиковый итог массового движения весны 2018 года отражает системный кризис самого армянского буржуазного государственного проекта. Возможная реализация одного из двух изложенных выше вариантов будет лишь способствовать его углублению. Завинчивание гаек в политической сфере неизбежно будет осуществляться параллельно реализации по-прежнему безальтернативного нелиберального курса в экономике, что приведет лишь к новому витку социально-политической напряженности в стране. А это в свою очередь означает, что в будущем Армении ждут новые кризисы.

Автор: Давид Арутюнов

[ВКонтакте](#)

Оригинальная статья